

Муртазина Л.Р.

«Учение и просвещение можно брать везде, где оно есть»: татарские учащиеся в странах мусульманского Востока на рубеже XIX–XX вв.

DOI 10.31162/2618-9569-2022-15-1-13-32

УДК 374.3

Original paper

Оригинальная статья

«Учение и просвещение можно брать везде, где оно есть»: татарские учащиеся в странах мусульманского Востока на рубеже XIX–XX вв.

Л.Р. Муртазина^{1а}

¹Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4131-544X>, e-mail: lyalyamur@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается процесс получения мусульманского образования за рубежом в конце XIX – начале XX в. На примере конкретных личностей описываются предпосылки, некоторые особенности обучения юношей-татар в Бухаре, Самарканде, а также в мировых центрах мусульманского образования – Константинополе, Каире, Медине, Деобанде. Среди прочих изучаются и вопросы материальной поддержки студентов, анализируется их дальнейшая судьба, так как многие выпускники возвращались на родину, где продолжали работу своих наставников. Наиболее способные из них приглашались в качестве преподавателей в медресе, которые они оканчивали.

В работе использованы труды известного татарского ученого-богослова Ш. Марджани и материалы татарской периодической печати начала XX в. Отдельные труды вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: мусульманское образование; татарские студенты; медресе; «Университет аль-Азхар»; «Дар уль-Улюм Деобанд»; общества

Для цитирования: Муртазина Л.Р. «Учение и просвещение можно брать везде, где оно есть»: татарские учащиеся в странах мусульманского Востока на рубеже XIX–XX вв. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(1):13–32. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-1-13-32

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

“Education and enlightenment can be taken everywhere where it is”: tatar students in the countries of the Muslim East at the turn of the XIX–XX centuries

L.R. Murtazina^{1a}

¹ *Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4131-544X>, e-mail: lyalyamur@mail.ru

Abstract: The article examines the process of Tatars studying abroad at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries – in Bukhara, Samarkand, in the world centers for Islamic education – Istanbul, Cairo, Medina, Deoband. On the example of specific individuals, the prerequisites and some features of the learning process, including the issues of material support for students, as well as the further fate of the Tatars who graduated from these educational institutions, are described. Many graduates returned to their homeland and continued the work of their mentors. The most capable ones were invited as teachers to the madrasah that they themselves graduated from.

The paper includes the results of the well-known Tatar scholar and theologian Shihab al-Din al-Marjani and the materials of the Tatar periodical press of the early 20th century. Many of the materials are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Muslim education; Tatar students; madrasah; “Al Azhar University”; “Darul Uloom Deoband”; society

For citation: Murtazina L.R. “Education and enlightenment can be taken everywhere where it is”: tatar students in the countries of the Muslim East at the turn of the XIX–XX centuries. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(1):13–32. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-1-13-32

Введение

Общеизвестно, что одной из фундаментальных основ исламской традиции является передача знаний. Испокон веков существовали учебные заведения – «медресе», где велась подготовка духовенства и богословски образованных мусульман. Процесс обучения был направлен на воспитание гармонически развитой личности, отвечающей требованиям духовной жизни общества.

Татары «при основании деревни первым делом возводили мечеть и при ней обязательно школу» [1, с. 331], что, безусловно, свидетельствовало о первостепенной роли знаний в их жизни. Видимо, не случайно многие молодые

люди не ограничивались получением образования только на родине – в поиске новой информации отправлялись в другие исламские страны. Традиции татар в области обучения, заложенные еще в период официального принятия ислама в Волжской Булгарии, сохранялись и приумножались вплоть до начала XX в. Однако каждый период развития татарского просвещения имел свои особенности, которые определялись как внутренними, так и внешними причинами.

Важнейшей особенностью, одновременно и достоинством системы мусульманского образования татар в начале XIX в. была ее многоуровневость [2]. Каждый ребенок, достигнув 7–8 лет, независимо от уровня материального достатка родителей, поступал в деревенскую школу (мектеб) или же учился у своего отца, т.к. обучение азам грамотности было обязательным для всех. Наиболее способные из них по традиции и совету своих наставников отправлялись для дальнейшего продолжения учебы в близлежащие, признанные татарским сообществом данной местности медресе. По окончании медресе юноша мог продолжить обучение в одном из наиболее известных мусульманских учебных заведений, таких как, например, медресе сел Каргалы, Маскара, Кшкар; при удачном стечении обстоятельств его ждала Бухара или же другие среднеазиатские медресе, где можно было получить высшее религиозное образование. Эта система работала слаженно, однако были некоторые нюансы: на следующую ступень образования мог перейти только тот, кто полностью освоил материал предшествующей ступени. Получить высшее богословское образование могли лишь самые способные – так работал в системе образования татар механизм отбора способных и одаренных детей.

Во второй половине XIX в. все больше татар выбирали в качестве учебного заведения передовые медресе Египта, Анатолии и Хиджаза. В конце XIX – начале XX в. у татарской молодежи появилась возможность получения качественного религиозного образования на родине – в джадидистских медресе «Галия» в Уфе, «Мухаммадия» в Казани и др., модернизированных по образцу передовых мировых центров исламского образования.

Бухара – крупный центр просвещения и ислама на Востоке

Одним из факторов, содействовавших все большему стремлению татарских шакирдов к продолжению образования в Бухаре и Самарканде, являлось увеличение торгово-экономических и дипломатических связей со

Средней Азией. После присоединения Туркестана к России значительно возрос интерес к этим медресе со стороны российских мусульман. По данным Ш. Марджани, первым татарин из Волжского региона, который учился в Бухаре в этот период, является Мансур Бурундуки, автор научного труда на персидском языке и дед первого муфтия ОМДС Мухаммаджана Хусаинова [3, с. 212].

Среди знаменитых людей, получивших образование в Бухаре, видные ученые и просветители ‘Абд-ан-Насыр аль-Курсави, Мухаммаджан Хусаинов, Шихаб-ад-дин аль-Марджани, ‘Абд-ар-Рахим аль-Утыз-Имяни, ‘Алимджан аль-Баруди и др. Среднеазиатские медресе окончили известные муллы – Ни‘мат-Аллах (тат. Нигъмәтулла) ибн Биктимер ибн Тукай ибн ас-Слаучи и его сыновья; ‘Убайд-Аллах (тат. Гобәйдулла) ибн Ибрахим ибн Ишкуат, впоследствии ставший имамом и мударрисом знаменитого медресе деревни Байряки и др. Несмотря на утверждение Ш. Марджани, что «люди, вернувшиеся после обучения в Бухаре, были очень немногочисленны, и на них смотрели чуть ли не как на подобных ангелам», список окончивших среднеазиатские медресе довольно богат. С именами и деятельностью некоторых из них можно ознакомиться в работах А. Хабутдинова [2]. В «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» Ш. Марджани приводит имена известных в татаро-мусульманском мире личностей, получивших образование в Бухаре. Труд ученого примечателен для исследователей данной проблемы и тем, что в нем указаны также некоторые мударрисы (учителя) бухарских, самаркандских и кабульских медресе, у которых обучались татарские юноши. Эти педагоги содействовали формированию у своих воспитанников правильных с точки зрения ислама взглядов на мир и основ научного мировоззрения. Для примера приведем лишь несколько фамилий – ‘Иса (тат. Гәйсә) ибн Рахмат-Аллах (тат. Рәхмәтулла) аль-Хоканди, ‘Ийад (тат. Гаяз) ибн Захир ас-Суди, Салих ибн Надир аль-Ходжанди, Шир аль-Хоканди, Миркаджан аль-Бухари, ишан Ниязкули, ‘Ата’-Аллах (тат. Гатаулла) ибн Йусуф ибн Хади ибн Амин аль-Бухари, Худайбирди аль-Байсуни, Абу-Са‘ид ибн ‘Абд-аль-Хай ас-Самарканди, Файд-хан (тат. Фәизхан) ибн Худур-хан (тат. Хозурхан) аль-Кабули и др. [3, с. 266, 274, 289, 304, 339, 354].

Большое место в мусульманской системе образования отводилось авторитету учителя, наставника, поэтому студенты искали знания у конкретных

ученых, обладавших высоким уровнем знаний в определенных областях науки, проходили курсы у многих преподавателей, и каждый из них мог выдать аттестат по своей дисциплине. Студента аттестовал учитель, а не учреждение [4]. Этим и определяется особенное отношение к наставнику.

Среди татар встречались выпускники бухарских медресе, которые для продолжения учебы отправлялись в Кабул. Такая форма получения образования способствовала еще большему расширению кругозора и научных изысканий у будущих представителей мусульманского духовенства, которым предстояла работа на родине в качестве имамов и ученых-богословов. Так, Хамза ибн Мухаммад аль-Баразави учился у кабульских наставников математике и другим наукам, за что получил имя «хамза мунаджжим» (астроном) [3, с. 270].

Татарские юноши отличались не только тягой к знаниям, но и незаурядными способностями и сообразительностью, поэтому некоторые из них приглашались в качестве преподавателей в медресе, которые они сами оканчивали. Мухсин ибн Биккул аш-Шаши, например, после завершения курса медресе был оставлен мударрисом в знаменитом медресе Фатхулла-кушбеги в Бухаре [3, с. 276]. Баха'-ад-дину аль-Марджани, отцу Ш. Марджани, амиром Бухары Хайдаром ибн Ма'сумом была предложена работа и комната в новом медресе, построенном Турсунджан-баем. Однако он отказался от предложения и уехал на родину к родителям, был определен имамом деревни Ябынчи [3, с. 315].

Обучение в Бухаре считалось почетным делом, следовательно, и выпускники этих медресе пользовались особым уважением: на родине им давали махаллю и должность имама-хатыба. Зачастую они перенимали опыт своих преподавателей, использовали методы и способы их обучения. Некоторые из шакирдов, по примеру своих наставников, продолжали образование в Бухаре [5, с. 80]. Поэтому неудивительно, что многие медресе Волго-Уральского региона, созданные выпускниками подобных учебных заведений, опирались на те же принципы и традиции: вначале это была система ценностей дагестанских ученых, позднее, а именно к середине XIX в., после того как доступ к обучению на Кавказе был закрыт из-за войны, «порядок получения образования у татар во многом копировал бухарскую систему обучения» [6, с. 795]. Так, 'Алимджан аль-Баруди (Галеев), получивший в 1875–1882 гг. высшее

религиозное образование в бухарском медресе «Мир-‘Араб», в 1883 г. открыл в Казани свое медресе под названием «Мухаммадия», известное также как Галеевское медресе.

Татарские юноши, обучаясь в медресе, много сил и времени уделяли самообразованию. Кого-то не устраивали установившиеся порядки и содержание образования, у кого-то возникали разногласия по вопросам обучения и т.д. В этом плане показателен пример Шихаб-ад-дина аль-Марджани, который после окончания медресе своего отца в родной деревне отправился сначала в Бухару, затем перебрался в Самарканд, где поступил в медресе «Шир-дор», через некоторое время Марджани вернулся в Бухару, учился в знаменитом медресе «Мир-и-‘Араб». В течение десяти лет он получал обширные знания по богословию, изучал арабский и персидский языки, философию, историю и другие дисциплины, при этом очень много времени уделял самообразованию, занимаясь в богатых книгохранилищах и библиотеках Бухары и Самарканда.

«Аль-Азхар» и другие центры мусульманского образования за рубежом

К концу XIX в. бухарские медресе, в которых все еще процветала старая схоластическая система обучения, несколько потеряли свой былой авторитет, поэтому перестали удовлетворять потребности татарских шакирдов. Стали пользоваться популярностью реформированные учебные заведения Османской империи, которые в большей степени отвечали требованиям времени; отсюда транслировались европейские веяния и в татарские медресе. Заслуживает внимания и тот факт, что в конце XIX в. многие медресе Волго-Уральского региона при подборе педагогических кадров отдавали предпочтение выпускникам турецких и египетских учебных заведений, многие из которых становились руководителями и преподавателями джадидских (новометодных) медресе. К примеру, преподавательский состав медресе «Галия» в основном был представлен выпускниками турецких и египетских учебных заведений. Такова была традиция мударрисов, окончивших «аль-Азхар», к числу которых относился и руководитель медресе Дыйа’ (Зыя) Камали [7, с. 20]. Преподавателями медресе «Галия» в разные годы служили: Хабиб Зайни, окончивший биолого-географический факультет педагогического инсти-

тута в Константинополе; ‘Убайд-Аллах (Губайдулла) Саттар – выпускник Константинопольского учительского института, ‘Абд-Аллах (Габдулла) Сатиев – выпускник физико-биологического факультета университета Константинополя; Закир Кадири (Кадыри) учился в университетах Бейрута и Каира; Фахри ‘Абд-Аллах – в Константинополе, Закир Аюханов – в Каирском университете; Таки Бади’и (Бадыги) – в Хиджазе. Хатм-Аллах (Хатмулла) Фадиль (Фазылов), Лутф-Аллах (Лутфулла) Байчурин совершенствовали знания, долгое время живя в Египте и Аравии [8, с. 344–345], Г. Ибрагимов-Шнаси учился в Константинополе и т.д.

Данная традиция наблюдалась и в других медресе Волго-Уральского региона. Так, в уфимском медресе «‘Усмания», открытом в 1887 г., к преподаванию привлекались также выпускники турецких и египетских учебных заведений – Хабиб-Аллах (Хабибулла) Ахтямов, Хатмулла Фазылов, Зыя Камали [9]. Основная часть выпускников после возвращения на родину становились муллами в своих сельских медресе.

Стоит отметить и тот факт, что среди указанных выше фамилий значатся не только выпускники мусульманских учебных заведений, но и те, кто получил профессию преподавателя светских дисциплин (Г. Ибрагимов-Шнаси, Х. Зайни и др.).

Турецкие учебные заведения так же, как и среднеазиатские медресе, привлекали татар прежде всего близостью языков и общностью традиций. В татарских медресе наряду с учебниками на арабском и персидском языках использовались и книги турецких авторов – татары увлекались чтением художественной и прочей литературы на турецком языке, благодаря переводам на турецкий язык знакомились с художественной литературой западноевропейских, в основном французских, авторов. Дорога в Священный Хадж, в Мекку также проходила через Константинополь и Шам (Левант), где было много студентов-татар.

В Турции можно было получить не только высшее религиозное образование – окончание обучения на средней образовательной ступени позволяло поступить в светские высшие учебные заведения. Именно Константинополь служил центром языковой подготовки татарской молодежи, стремящейся в университеты Европы, так как здесь не приходилось менять привычный для татар уклад жизни, что было немаловажно. Те же, кто был заинтересован в получении фундаментального исламского образования, отправлялись в дру-

гие центры религиозного образования – Каир, Мекку, Медину, Бейрут и т.д. Так, вышеупомянутый Зыя Камали вначале был отправлен на учебу в Турцию, затем сам перевелся в «аль-Азхар» [10, с. 293].

Каирское медресе окончил ‘Абд-ар-Рахман ‘Али (Габдрахман Галиев), брат Галимджана Баруди, здесь же получали образование два ученика Ш. Марджани, считавшего, что «учение и просвещение можно брать везде, где оно есть. Знание и просвещение не знают ни языковых, ни национальных границ» [1, с. 528]. Это Камаль-ад-дин ибн Сайф-ад-дин и Абу-Бакр ибн Йахуда. Первый из них после окончания был оставлен в том же медресе, служил имамом и вел курс чтения в специальном отделении для тюрок [1, с. 115, 117]. Но это не единичный случай. Среди оставленных на преподавательскую деятельность есть выходец из деревни Кшкар Шамс-ад-дин аль-Кшкар, который еще в 20-е гг. XIX в. по рекомендации Ибрахима-паши в течение семи лет преподавал персидский язык в «аль-Азхаре» и др. [3, с. 275].

Чем же привлекали учебные заведения мусульманского Востока татар? Прежде всего богатой историей и традициями в области образования. Еще «в начале VIII в. в городах Омейядского Халифата, таких как Мекка, Медина, Басра, Куфа и Дамаск, существовали влиятельные ученые сообщества, а в IX–X вв. мечети «аль-Азхар» в Каире и «аль-Каравийюн» в Фесе начали превращаться в образовательные центры, привлекавшие к себе искателей знания со всего мусульманского мира» [4]. В конце XIX в. медресе «аль-Азхар» приобрел статус исламского университета, в чем была заслуга его руководителя Мухаммада ‘Абду-ху (М. Абдо) (1849–1905), привлекшего внимание общественности к необходимости реформирования учебного заведения. «Благодаря реформаторским усилиям, начиная от шейха аль-‘Аттара и до аль-Афгани и Мухаммада Абдо, а также всего сообщества просветительской интеллигенции, которая появилась в Египте во второй половине XIX в., «аль-Азхару» удалось не утратить свои позиции как духовного и культурного центра страны» [11, с. 945–946]. Таким образом, можно заключить, что медресе привлекало мусульман всего мира не только порядками, устоявшимися к этому времени, но и личностью ученого и руководителя М. Абдо.

М. Абдо пользовался большим авторитетом и среди татарской интеллигенции. Так, ученый и просветитель, сторонник реформирования системы татарского образования, редактор журнала «Шура» («Совет») Рида-ад-дин ибн Фахр-ад-дин (Риза Фахретдин) высоко ценил роль М. Абдо в деле ре-

формирования системы мусульманского образования и, ссылаясь на его труды, подчеркивал, что на современном этапе введение светских предметов в программу мусульманских учебных заведений является необходимостью. Он считал справедливыми идеи М. Абдо о важности обучения мусульман европейским языкам, был солидарен с ним в вопросе о необходимости владения религиозными деятелями иностранными языками [12, с. 738].

Признание «Аль-Азхара» татарскими педагогами и учеными в качестве одного из передовых мировых центров мусульманского образования привело к тому, что к началу XX в. возросло число выпускников российских медресе, выбиравших данное учебное заведение для продолжения образования. Так, известный татарский педагог, автор учебных пособий С. Бикбулатов (1886–1954) после окончания медресе «Хусайния» в 1906 г., по решению руководства медресе, был отправлен на учебу в Каир. Он участвовал в организации «Общества тюрко-татарских учащихся», был его секретарем. Кроме посещения занятий по арабскому языку и литературе в «аль-Азхаре», слушал лекции в Каирском педагогическом институте [13, с. 116]. Таким образом, он возвращался на родину подготовленным специалистом, обладающим знаниями не только в богословских науках, но и в области светских дисциплин. Работая преподавателем арабского языка и истории Среднего и Ближнего Востока в медресе «Хусайния», он параллельно занимался научно-методической работой, писал основные труды по истории ислама и арабского письма, востоковедению, учебники по богословию [14, с. 34].

«Аль-Азхар» способствовал формированию научных взглядов и воззрений многих татарских ученых, таких как Муса Бигиев, Закир Кадыри, ‘Абд-аль-Бари Батталь (Габделбари Баттал), ‘Абд-ар-Рахман Расули и других. Муса Бигиев, изучив книжное наследие богатейшей библиотеки «аль-Азхар», стал известным ученым-богословом, написал труд, посвященный истории Корана.

Опыт высших религиозных медресе зарубежья, в первую очередь турецких и египетских, был показателен для татарских ученых-педагогов, решавших актуальный вопрос реформирования мусульманского образования. Так, Галимджан Баруди в 1886 г. с целью изучения деятельности ведущих мусульманских учебных заведений совершил длительную поездку в Османскую империю и Египет, посетил центры исламского образования в Каире, Константинополе, Мекке, Медине и пришел к выводу, что прогресс в мусульман-

ском мире невозможен без его приобщения к общеевропейским и мировым ценностям, в первую очередь в области просвещения. Знания и передовой опыт, полученные во время этой поездки, он начал активно применять в своем медресе, которое к этому моменту уже было признано центром джадидского образования в России.

Еще одним образовательным центром, в котором училась татарская молодежь, был «Дар уль-Улюм» (араб. Дар аль-‘улюм) в городе Деобанд (Индия). В исламском мире это учебное заведение по значимости считалось вторым после «аль-Азхара»¹. Оно и сейчас является одним из крупнейших религиозных и академических центров мусульманского образования.

В одной из статей, опубликованных в газете «Вақыт» («Время») в 1914 году, сообщается о росте в «Дар уль-Улюме» количества студентов из России. В связи с этим было решено создать общество под названием «Джама‘ат аль-ва‘изын» («Общество проповедников»). Татарские студенты, участвовавшие до этого в организациях афганских и индийских студентов, в лице председателя нового общества ‘Абд-аль-Хакима аль-Бухари обращаются к своим соплеменникам за помощью. В целях организации библиотеки для татароязычных студентов «Дар уль-Улюма» они просят периодически присылать газеты, журналы и книги на татарском языке, необходимые для ознакомления с новостями тюрко-татарского мира. Автор письма приводит фамилии некоторых других татарских студентов, которые к этому времени обучались в данном учебном заведении и являлись членами общества «Джама‘ат аль-ва‘изын», – Мир-‘Асым (Миргасым) ибн Миршариф аль-Минзяляви, ‘Абд-Аллах ат-Ташкенди, ‘Абд-аль-Лятыф аль-Коканди, Мухаммаджан аль-Астрахани, Джаляль-ад-дин аль-Миргияни, Хурмат-Аллах аль-Усави и мелла Сабит аль-Кабули [15].

Выпускники мусульманских учебных заведений Востока были востребованы как высоко подготовленные специалисты и великолепные ученые в области богословия. Однако редко, но встречались те, кто использовал знания в корыстных целях. Информация об одном из них запечатлена в татарских газетах начала XX века. Это Кадерматов Минхадж-ад-дин (Мингазетдин) (1870–1925), родом из деревни Старый Мастак Хвалынского уезда

¹ С учетом того, что известное медресе или Университет Деобанда ограничивался рамками одного ханафитского мазхаба, в то время как в Университете «аль-Азхар» были группы для всех четырех суннитских толков.

Саратовской губернии, известный в истории под псевдонимом «Хинди Мингаз» («Ғинди Минһаж») [т.е. Индиец Минхадж]. Вернувшись на родину после окончания медресе в Индии, он загорается идеей открытия высшего медресе в индийских традициях. В 1906 году начинает сбор денег на строительство четырехэтажного здания для «Исламского университета», который он предполагал основать в городе Хвалы́нск, однако все собранные у народа средства были им использованы для личных целей. В 1910 году М. Кадерматов, истратив почти все деньги, отчитывается перед ОМДС, где заявляет о намерении прекратить свою деятельность по созданию нового медресе [16].

Материальная поддержка татарских студентов

Как было отмечено выше, доступ в зарубежные учебные заведения и возможность обучения в них имели прежде всего одаренные юноши. Состоятельные граждане, муллы сами обеспечивали своих детей всем необходимым для жизни и обучения вдали от родины. Однако довольно большую часть абитуриентов составляла молодежь со средним достатком, а также способные юноши из малообеспеченных семей. В таких случаях на помощь приходил механизм, позволявший организовать материальную поддержку будущих студентов. Вопросом финансирования обучения татар за рубежом занимались как отдельные предприниматели, так и благотворительные общества, которые брали на себя полную ответственность за них и считали это долгом перед нацией.

Так, известные не только в татаро-мусульманской среде, но и в российском масштабе купцы, крупные предприниматели Ахмад (1837–1906) и Махмуд (1839–1910) Хусаиновы поддерживали национальное образование как в пределах страны, так и за рубежом [17, с. 146]. Ахмад-бай в конце своей жизни завещал почти полмиллиона рублей на развитие татарского просвещения. Отдельной строкой в его завещании был отмечен вопрос о выделении средств для обучения татар в мусульманских образовательных центрах арабского Востока. Именно за счет стипендий, учрежденных по завещаниям А. Хусаинова, на обучение в университет «аль-Азхар» были отправлены З. Аюханов, В. Батталов, С. Бикбулатов, Ш. Вахидов, Л. Заидов, С. Насыров-Нугманов, Г. Рафиков, А. Сайфутдинов, Г. Файрушин, в Константинопольский университет – Г. Карими и Г. Максудов, в Бейрутский университет – Ш. Файрушин [18, с. 209].

Существовавшие в отдельных городах России общественные и профессиональные организации также имели одной из своих целей оказание помощи учащейся молодежи. Так, «Троицкое общество приказчиков», возникшее в 1905–1907 гг., оказывало материальную помощь татарским юношам, желавшим получить высшее светское образование. Благодаря обществу и его руководителю Камалу Габитову, трое татар смогли получить профессии врача, юриста и педагога, по выражению Габитова, «самые необходимые для татарской нации». Хабиб Зайни, сын известного троицкого му'аллима Халиля Зайнутдинова, обратившись к «Троицкому обществу приказчиков» с просьбой о выделении средств для обучения в высшем учебном заведении, получил одобрение и был отправлен в Константинополь, где поступил на биогеографический факультет педагогического института. На учебу общество обязалось выделить ему ежегодно 25 рублей. Однако в 1910 г. общество прекратило свое существование, в результате Х. Зайни смог проучиться на его средства только два года. Дальнейшее обучение стало возможным только благодаря работе наборщиком в типографии. Несмотря на трудности, Х. Зайни получил диплом с отличием².

Эти формы работы были действенны, но не могли учитывать все нюансы жизни и обучения за рубежом, поэтому необходимы были дополнительные способы, которые позволяли бы решать проблему на месте. Оказавшись вдали от родины, студенты наиболее остро ощущали тяготы жизни – это и языковой барьер, хотя арабский и персидский языки изучались в каждом начальном медресе, татары все же не являлись носителями этих языков, поэтому необходима была языковая адаптация в новых условиях; это новые обычаи и традиции, с которыми учащиеся знакомились впервые, и т.д. Но самая главная проблема заключалась в отсутствии или нехватке денежных средств. Для успешного претворения в жизнь задач, связанных с материальным обеспечением жизни студентов за рубежом, необходимо было организовать общества помощи учащейся молодежи на местах.

К этому времени такие общества имелись у многих народов. Например, у армян, живущих в Турции, практиковалась следующая форма работы: сначала на средства общества обучались один-два человека в турецких школах, где шла языковая подготовка, затем на деньги того же общества их отправ-

² Отдел рукописей и редких книг (ОРРК) Научной библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского федерального университета. 4 ед.хр., 2390-т, IV. Л.1.

ляли на обучение в европейские или же американские университеты, откуда они возвращались подготовленными кадрами, способными служить своему народу. Считалось, что, работая по такому принципу, можно добиться постепенного превращения нации в одну из передовых [19].

В 1920 г. был основан «Союз русских студентов в Египте», который имел целью «объединение русских студентов в Египте и защиту их интересов и прав» [11, с. 948]. Членами Союза были в основном студенты и абитуриенты, эмигрировавшие из России. Многие молодые люди с его помощью смогли перебраться в европейские страны и поступить там в учебные заведения. В 1944 г. в Каире было организовано «Туркестанское благотворительное общество», объединявшее эмигрантов из Туркестана и имевшее свой Устав [20].

Для решения проблем, связанных с материальным обеспечением, создавали свои общества и татары, обучающиеся в дальних странах. Их организации, в отличие от союза русских студентов или же общества туркестанских эмигрантов, не были связаны с политической обстановкой в России, преследовали чисто образовательные цели. Ссылаясь на материал газеты «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), З.С. Миннуллин утверждает, что первое общество татарской молодежи возникло еще в начале 1906 г. в Каире с целью «материальной и идейной» поддержки своих членов [17, с. 141]. В 1908 г. в Константинополе было создано «Общество российских мусульманских учащихся», которое объединяло крымских и поволжских татар [21]. В конце этого же года было основано еще одно общество, которое имело целью помощь российским студентам [22]. Вскоре эти два общества были объединены. Учредителями общества выступили татарские купцы, представители интеллигенции и духовенства. Общество имело свою программу, материально помогало татарским студентам не только в поступлении в учебные заведения, но и в обеспечении их литературой на татарском языке (газетами, журналами, новыми книгами), необходимой для установления духовной связи с родиной [17, с. 142]. Данное общество было наиболее крупным из всех организаций татарских студентов, имело свою читальню, клуб, где устраивались музыкальные вечера, собрания, лекции, встречи [23, с. 413–414], служило координирующим центром для всех татарских студентов, получающих исламское образование в мусульманских странах. Например, руководство именно данного общества распределяло татар, прибывших в Константинополь, в учебные заведения других стран с учетом того, какую цель они преследовали. Те юноши,

которые хотели получить исламское образование, отправлялись в наиболее подходящие для этой цели страны. Те, кто пожелал получить светское образование, оставались в самой Турции [17, с. 142] или же направлялись в европейские университеты.

Общество татарских студентов в Мекке было образовано в 1909 г. В этом же году было создано общество и в Медине, программа которого практически дублировала мекканскую программу.

По мнению самих студентов, материально выгоднее было обучаться в Мекке. Но здесь существовала иная проблема – нехватка мест для проживания, так как во время хаджа имеющиеся места заполнялись паломниками. Специальных медресе для российских учащихся не было, как не было и предназначенных им учителей, поэтому они вынуждены были посещать медресе только в свободное от местных студентов время, нанимать себе учителя. В программе созданного ими «Общества мусульманских студентов России» отдельной строкой указана необходимость определения отдельного учителя, открытия специального медресе для российских мусульман, создание библиотеки. Казну этого общества студенты планировали пополнять при помощи константинопольского посредника Ризы-бека и паломников [24].

Паломники, т.е. мусульмане, которые совершали хадж, были одним из важных источников жизни татарских студентов в странах мусульманского Востока. До конца XIX века путь в Мекку лежал через его главные центры – Багдад, Куфу, Басру, Дамаск, Каир, Константинополь. Татарские студенты, обучавшиеся в этих городах, сопровождая паломников, поправляли свое материальное положение. Особенно эта работа была налажена в Мекке. Но в связи с войной число паломников из России уменьшилось, а в 1914 г. их было так мало, что заработать не смогли не только студенты, но и жители Медины, которые во время священного месяца старались улучшить свое благосостояние. Как сообщает газета «Вакыт», отсутствие паломников особенно отразилось на студентах, привыкших жить на «садака» (милостыню) за сопровождение паломников. Во время хаджа они обеспечивали себя на год [25].

В начале XX в. в Медине существовало медресе, основанное казанскими купцами, оно так и называлось – «Медресе казанских татар». Студенты этого медресе, заинтересованные в улучшении качества обучения, подняли вопрос о необходимости реформирования системы исламского образования,

о чем информирует газета «Йолдыз» («Звезда») [26]. В письме в редакцию они указали на недостатки медресе, которое по замыслу основателей должно было давать соответствующее образование и воспитание детям российских зажиточных мусульман. Однако, по мнению авторов письма, оно (медресе) не смогло исполнить возложенные на него обязанности, а потому студенты предъявили следующие требования: необходимость открытия класса, где они могли бы получать общую информацию по основам наук; назначение мудар-рисом образованного человека, обладающего широкими знаниями в данной области (нынешний преподаватель, на их взгляд, не отвечал этим требованиям); исключение из числа студентов нескольких лиц, не заинтересованных в получении образования и мешавших остальным в этом деле; определение ответственного лица, который осуществлял бы надзор за студентами [26]. Таким образом, к началу XX в. татарские студенты, обучавшиеся за рубежом, уже сами пытались определить пути к решению проблем, связанных с жизнью и обучением вдали от родины, в том числе и материальных.

Заключение

Таким образом, результаты исследования дают достаточные основания утверждать, что учеба в странах мусульманского Востока содействовала углублению и совершенствованию богословских, исламоведческих, лингвистических, исторических, педагогических знаний у татарской молодежи, что сыграло в последующем важную роль в становлении их профессиональной деятельности. Многие выпускники, возвращаясь на Родину, выбирали педагогическую работу, использовали знания, полученные в зарубежных учебных заведениях, в обучении татарской молодежи, писали теоретические труды по истории, основам ислама, арабскому языку, составляли учебники и учебные пособия по разным дисциплинам. Учеба в мусульманских учебных заведениях Каира, Медины, Мекки, Константинополя, Деобанда и др. оказывала благоприятное влияние и на расширение их общего кругозора. Учащимся предоставлялась возможность ознакомиться с трудами выдающихся ученых мирового масштаба, получать знания у величайших умов мусульманского мира; особо одаренные выпускники оставались в этих признанных центрах исламского образования для педагогической деятельности. Обучение за рубежом позволяло приобщить молодых людей к идеалам и ценностям ислама в образовательном пространстве рубежа XIX–XX вв., осознанию общности проблем развития исламского мира,

более тесному общению татарской молодежи с мусульманами разных стран, усвоению некоторых обычаев и норм поведения единоверцев. Такие явления в жизни татар начала XX в., как европеизация татарского костюма, мода на ношение турецких головных уборов, влияние турецкого языка на татарский литературный язык, которое выражалось в использовании в разговорной речи турецких слов и выражений, исходили от выпускников турецких учебных заведений.

Литература

1. Мәрҗани: *Шиһабетдин әл-Мәрҗани хәзрәтләренең вилаятенә йөз ел булу (1233–1333) мөнәсәбәте илә нәшер ителде*. Казан: «Мәгариф»; 1915. 639 б.
2. Хабутдинов А. Бухарское образовательное влияние на татарскую элиту в XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/12/habutdinov.htm (дата обращения: 10.05.2021).
3. Мәрҗани Ш. *Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр)*. Кыскартып төзелде. Казан: Татар. кит. нәшр.; 1989. 415 б.
4. Alexander Thurston. *Islamic Universities and Their Global Outreach*. [Electronic source]. Available at: http://www.oxfordislamicstudies.com/Public/focus/essay1009_Islamic_Universities.html (Accessed: 10.05.2021).
5. Мухаметшин Р. Мусульманское образование у татар в дореволюционной России: состояние, проблемы и перспективы. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(4):79–93.
6. Махмутова А. Традиционные учебные заведения и новометодное образование. *История татар с древнейших времен в семи томах*. Т. VI. Казань: институт истории им. Ш. Марджани; 2013. С. 791–816.
7. Камалов Т. *Зия Камали*. Казань: Иман; 1997. 53 с.
8. Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» – высшее мусульманское учебное заведение Башкортостана (1906–1919 гг.). *Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия*. Аминов Т.М. (сост.). Уфа: БГПУ; 2010. С. 316–360.
9. Хабутдинов А.Ю. *Опыт подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты: джадидская система образования*. [Электронный ресурс]. – Ре-

Муртазина Л.Р.

«Учение и просвещение можно брать везде, где оно есть»: татарские учащиеся в странах мусульманского Востока на рубеже XIX–XX вв.

жим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?412> (дата обращения: 12.05.2021).

10. Фархшатов Ф.М. Камали З. *Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия*. Аминов Т.М. (сост.). Уфа: БГПУ; 2010. С. 293–294.

11. Москалец О.В. Об организации «Союз русских студентов в Египте» (1920–1922 гг.). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(4):942–958.

12. Фәхретдин Р. Дини вә милли мәктәпләребез хакында. *Шура*. 1913;24:737–740.

13. Марданшин М.М. Педагогическая деятельность С. Бикбулатова. *Казанский педагогический журнал*. 2008;9:115–119.

14. *Татар педагогик фикере антологиясе*. 2 томда. Т. 1. Казан: Татар.кит. нәшр.; 2016. 486 б.

15. Гиндыстанда татар таләбәсе жәмгыяте. *Вакыт*. 1914. 23 май.

16. Уфа хәбәрләре. *Вакыт*. 1910. 29 май.

17. Миннуллин З. Землячества и благотворительные общества татарских учащихся в мусульманских странах (начало XX века). *Мир ислама*. 1999;1/2:139–148.

18. Набиев Р.А., Хабутдинов А.Ю. Медресе «Хусаиния». *Ислам на Европейском Востоке: Энциклопедический словарь*. Казань: Магариф; 2004. С. 208–210.

19. Укучыларга ярдәм жәмгыяте. *Вакыт*. 1910. 6 март.

20. Хайрутдинов А.Г. Из истории туркестанской эмиграции: «Туркестанское благотворительное общество» в Каире. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):824–844.

21. Истанбулда татар шәкертләре. *Әл-Ислах*. 1908;43:9.

22. Истанбулда русияле татар шәкертләре. *Йолдыз*. 1908. 7 декабрь.

23. Кәрим Ф. *Истанбул мәктүбләре*. Оренбург, 1914. 450 б.

24. Мәккәи-Мөкәррәмәдә русияле ислам таләбәсенә жәмгыять гыйльмиясе тарафыннан игъланнамә. *Вакыт*. 1910. 28 август.

25. Хажилар вә татар таләбәләре. *Вакыт*. 1914. 4 октябрь.

26. Мәдинәи-Мөнәвәрә шәкертләре. *Йолдыз*. 1907. 15 март.

References

1. *Marjani: Shihab al-Din al-Marjani hazratlerenen vilayatene yez yel bulu (1233–1333) monasabate ilanasheritelde* [Marjani: Prepared for the 100th anniversary

of Shihab al-Din al-Marjani (1233–1333)]. Kazan: Ma'arif Press; 1915. 639 p. (In Tatar)

2. Khabutdinov A. *Buharskoe obrazovatel'noe vliyanie na tatarskuyu elitu v XVIII-XIX vv.* [Bukhara educational influence on the Tatar elite in the 18th-19th centuries]. [Electronic source]. Available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/12/habutdinov.htm (Accessed: 10.05.2021). (In Russian)

3. Marjani Sh. *Mustafad al-akhbar fi ahwal Qazan wa Bulghar (Kazan ham Bolgar hellere turynda fajdalanylgan heberler).* *Kyskartyp tezelde* [Materials on the history of Kazan and Bolgar. Abridged version]. Kazan: Tatar book publishing house; 1989. 415 p. (In Tatar)

4. Alexander Thurston. *Islamic Universities and Their Global Outreach.* [Electronic source]. Available at: http://www.oxfordislamicstudies.com/Public/focus/essay1009_Islamic_Universities.html. (Accessed: 10.05.2021).

5. Mukhametshin R. Musul'manskoe obrazovanie u tatar v dorevolucionnoj Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy [Islamic education among Tatars in pre-revolutionary Russia: situation, problems and perspectives]. *Minbar. Islamic Studies.* 2009;2(4):79–93. (In Russian)

6. Makhmutova A. Tradicionnye uchebnye zavedeniya i novometodnoe obrazovanie [Traditional educational institutions and new method education]. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen v semi tomah* [History of the Tatars since ancient times in seven volumes]. Vol. VI. Kazan: Institute of History after Sh. Marjani Publ.; 2013, pp. 791–816. (In Russian)

7. Kamalov T. *Zyya Kamali* [Zyya Kamali]. Kazan: Iman Press; 1997. 53 p. (In Russian)

8. Tuzbekova L.S. Medrese “Galiya” – vysshee musul'manskoe uchebnoe zavedenie Bashkortostana (1906–1919 gg.) [Madrasah “Galia” – Higher Muslim Educational Institution of Bashkortostan (1906–1919)]. *Medrese Yuzhnogo Urala i Priural'ya: istoriya i sovremennost': Hrestomatiya* [Madrasahs of the Southern Urals and of the Urals: Past and Present: The Reader]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University Press; 2010, pp. 316–360. (In Russian)

9. Khabutdinov A.Yu. *Opyt podgotovki konkurentosposobnoj musul'manskoj elity: dzhadidskaya sistema obrazovaniya* [The experience of preparing the competitive Muslim elite: The Jadid Education System]. [Electronic source]. Available at: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?412> (Accessed: 12.05.2021). (In Russian)

10. Farhshatov F.M. Kamali Z. [Kamali Z.]. *Medrese Yuzhnogo Urala I Priuralya: istoriya i sovremennost: Hrestomatiya* [Madrasahs of the Southern Urals and of the Urals: Past and Present: The Reader]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University Press; 2010, pp. 293–294. (In Russian)
11. Moskalets O.V. Ob organizacii “Soyuz russkih studentov v Egipte” (1920–1922 gg.) [On the Organization of “The Union of Russian students in Egypt” (1920–1922)]. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(4):942–958. (In Russian)
12. Fekhetdin R. Dini wa milli maktablerebez haqynda [About our National and Muslim schools]. *Shura* [Advice]. 1913;24:737–740. (In Tatar)
13. Mardanshin M.M. Pedagogicheskaya deyatelnost S. Bikbulatova [Pedagogical activity of S. Bikbulatov]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. 2008;9:115–119. (In Russian)
14. *Tatar pedagogic fikere antologiyase* [The Anthology of Tatar pedagogical thought]. In 2 vol-s. Vol. 1. Kazan: Tatar book publishing house; 2016. 486 p. (In Tatar)
15. Hindystanda tatar talabase jam‘iyate [The Society of Tatar Students in India]. *Waqt* [Time]. 1914. May 23. (In Tatar)
16. Ufa khabarlere [Ufa news]. *Waqt* [Time]. 1910. May 29. (In Tatar)
17. Minnullin Z. Zemlyachestva i blagotvoritel’nye obshchestva tatarskih uchashchihsya v musul’manskih stranah (nachalo XX veka) [Communities and Charity Societies of Tatar students in Muslim countries (the early XX century)]. *Mir islama* [The World of Islam]. 1999;1/2:139–148. (In Russian)
18. Nabiev R.A., Khabutdinov A.Yu. Medrese “Husainiya” [Madrasah “Khusainiya”]. *Islam na Evropejskom Vostoke: Enciklopedicheskij slovar* [Islam in the European East. Encyclopedic Dictionary]. Kazan: Magarif; 2004, pp. 208–210. (In Russian)
19. Ukuchylarga yarem jam‘iyate [The Society for Student Aid]. *Waqt* [Time]. 1910. March 6. (In Tatar)
20. Khairutdinov A.G. Iz istorii turkestanskoj emigracii: “Turkestanskoe blagotvoritel’noe obshchestvo” v Kaire [From the History of Turkestan Emigration: “Turkestan Charity Society” in Cairo]. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):824–844 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-4-824-844. (In Russian)
21. Istanbulda tatar shekertlere [Tatar students in Istanbul]. *Al-Islah* [Reform]. 1908;43:9. (In Tatar)

22. Istanbulda rusiyale tatar shekertlere [Tatar students from Russia in Istanbul]. *Joldyz* [Star]. 1908. December 7. (In Tatar)

23. Karimi F. *Istanbul maktublere* [Letters from Istanbul]. Orenburg, 1914. 450 p. (In Tatar)

24. Makkah-i-Mukarramah-de rusiyale islam talabasenen jam'iyat 'ilmiyase tarafynnan i'lanname [Announcement on behalf of the Society of Tatar Students from Russia in Mecca]. *Waqt* [Time]. 1910. August 28. (In Tatar)

25. Hajjilar wa tatar talabalere [Pilgrims and Tatar students]. *Waqt* [Time]. 1914. October 4. (In Tatar)

26. Madinah-i-Munawwarah shekertlere [Students from Medina]. *Joldyz* [Star]. 1907. March 15. (In Tatar)

Информация об авторе

Муртазина Ляля Раисовна, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Lyalya R. Murtazina, Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Researcher, Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05 августа 2021
Одобрена рецензентами: 12 декабря 2021
Принята к публикации: 08 февраля 2022

Article info

Received: August 05, 2021
Reviewed: December 12, 2021
Accepted: February 08, 2022